

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Светлана М. Повторева

Национальный университет «Львовская политехника»

Концепции смерти человека в постструктурализме: методологический аспект

Koncepcja śmierci człowieka w poststrukturalizmie: aspekt metodologiczny

Современный европейский и европейски ориентированный философский дискурс изобилует понятиями, выражающими пессимистические настроения общества относительно будущего. В средствах массовой информации, во многих солидных научных трудах¹ в разнообразных интерпретациях повторяются слова: «конец истории, конец идеологий, конец учителей, конец мысли, конец человека, конец всего»². Подтверждением этого факта также является название круглого стола «Конец европейской культуры или начало нового человека?», проводимого в рамках VII конференции философов славянских стран «Человек и его понятие» (Ивонич, 16–19 июня, 2010 года).

Одним из понятий, конкретизирующих идею конца мира, является «смерть человека». Известно, что ситуация смерти человека волновала многих интеллектуалов с давних времен. Не исключением стало и наше время, когда многие признаки указывают на приближение чего-то нового, небывалого, что должно существенно изменить жизнь человека и всего человечества. По мнению Э. Рудинеско, размышления о таинственном разрыве между тиранией смерти и ее невозможной трансгрессией – один из наиболее

¹ См., например: В. Banasiak, *Filozofia „końca filozofii”*. *Dekonstrukcja Jacquesa Derridy*, wyd. III, Wyd. Operahaus, Szczecin 2007, ss. 286.

² Рудинеско Е. Філософі в обіймах бурі / пер. з фр. О.А. Юдіна. Київ: Ніка-Центр, 2007, с. 14.

оригинальных и плодотворных моментов французской послевоенной философии³. Понятие смерти довольно часто встречается в произведениях классиков структурализма и постструктурализма. Широко известен в современном философском дискурсе тезис М. Фуко (*Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*) о том, что понятие «человек» является конструктом сравнительно недавнего времени и, возможно, скоро исчезнет. Положение о приближающейся «смерти человека» было одним из оснований обвинения французского мыслителя и других представителей современной структурной методологии и философии структуры в антигуманизме.

Целью данной статьи является осмысление ряда концепций современной философии, в которых понятие смерти человека выполняет функцию методологического инструмента современных гуманитарных исследований. Значительный интерес представляют в этой связи идеи Ж. Дерриды, Ж. Делёза, Ю. Кристевой, Р. Барта, М. Фуко, Э. Рудинеско, Р. Якобсона и др. При этом важно подчеркнуть, что существенное влияние на формирование структурной методологии, которая стала основополагающей для гуманитарного познания нашего времени, оказала славянская мысль (идеи А. Кожева, Р. Ингардена, В. Проппа, Л. Шестова и др.). Акцентирование методологического аспекта различных интерпретаций смерти человека, на который обычно обращают мало внимания в имеющейся литературе, является элементом *новизны* настоящей работы.

Концепция смерти человека Ж. Дерриды, мыслителя, который наряду с Ж. Делёзом, «заложил фундамент современной методологии»⁴ является ключевой в ряде его произведений («Дар смерти», «Апории», «Каждый раз – единый, конец света» и др.). Данная проблема рассматривается Ж. Дерридой в контексте идей о смерти человека И. Канта, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, Э. Левинаса, Ф. Ницше, Я. Паточки, З. Фрейда, М. Хайдеггера. Производя сопоставление текстов названных мыслителей, Ж. Деррида в соответствии с логикой деконструкции стремился найти то, что не поддается поверхностному взгляду, глубоко скрыто в глубинах бессознательного, но может быть прочитано в результате операции с текстами. Деконструкция, будучи одним из главных методологических принципов постструктурализма, является творческим заимствованием у М. Хайдеггера, трансформацией хайдеггеровского принципа деструкции. В одной из своих статей я проанализировала подобие и различие этих двух принципов. Деконструкция представляет собой синтетический медиативный способ преодоления логоцентризма и бинаризма традиционного языка, средство семиотического исследования повседневной знаковой деятельности, языка научного, художественного творчества, религиозных, политических и других текстов. Для деконс-

³ *Ibidem*, с. 46.

⁴ *Ibidem*, с. 17.

трукции в отличие от деструкции характерен отказ от онтологических претензий. Деконструкция призвана переосмыслить и преобразовать дискурс из уже имеющихся языковых конструктов (оппозиций, иерархий и т.д.). Основными процедурами деконструкции являются различение, вычеркивание, анализ следов, оговорок, ошибок и т.д., то есть практическая работа с текстами, в то время как для деструкции характерны внимание к намекам, вслушивание в голос бытия, акцентирование в большей степени на речи, нежели на тексте⁵.

Смерть, по мнению Ж. Дерриды, создает очень благоприятную возможность с точки зрения познания человека. Рассматривать человека с позиции смерти – методологически очень интересный ракурс. Ведь это уникальная ситуация, когда человек оказывается наедине с собой, предстает незамеченным. Нельзя умереть за другого, перед лицом смерти человек пребывает в наиболее напряженной концентрации своей субъективности. Осмысливая ситуацию смерти человека, Ж. Деррида опирается на идеи работы М. Хайдеггера «Бытие и время», который, в частности, писал: «Уверенность в истине смерти – смерть *есть* всегда лишь своя – являет другой род и более исходна чем любая достоверность внутримирно встречного сущего или формальных предметов; ибо это уверенность в бытии-в-мире»⁶.

В постструктурализме сохраняется и развивается традиционное для западной философии, особенно свойственное экзистенциализму представление о смерти человека в связи с понятием свободы. Так, М. Хайдеггер отмечает: «Заступание обнажает присутствие затерянность о ч е л о в е к о – самости и ставит его перед возможностью, без первичной опоры на озбоченную заботливость, быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей, фактической, в себе самой уверенной и ужасающей свободе к смерти»⁷. Ж. Деррида, развивая идеи М. Хайдеггера с позиций постструктурализма, также анализирует смерть человека в контексте своих представлений о свободе, даже некоторым образом отождествляет их, называет смерть человека другим именем его свободы. Смерть оказывается фактором освобождения, входит в контекст жизни человека, становясь существенным ориентиром жизни. Переживание, заботы в связи смертью, не убегание от нее, не стремление спрятаться, а наоборот – позиция человека, смело смотрящего смерти в лицо – это факторы свободы субъекта.

⁵ Повторева С.М. Принцип деструкції М. Хайдеггера і деконструкція постструктуралізму // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: Філософські науки. 2010, № 661, с. 65.

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время / [пер.з нем. В.В. Библихин]. Харьков: Фолио, 2003, с. 302.

⁷ *Ibidem*, с. 300.

Излагая свою концепцию смерти человека, Ж. Деррида использует ряд понятий, служащих методологическими средствами раскрытия данной проблематики: «секрет», «тайна», «смерть Другого», «смерть друга», «оплакивание умерших» и др. Понятие «секрета» означает нечто таинственное, субъективное, недоступное другим людям – отделение души от тела, существование души после смерти. Понятие секрета в связи со смертью человека также является методологически продуктивным в контексте философии Другого Э. Левинаса. В этом смысле секрет означает и жизнь человека, скорбящего из-за смерти другого человека, ибо его уже не будет рядом в этом мире. В ряде своих текстов Деррида конкретизирует понятие смерти Другого в связи с отношениями дружбы. Зная о своей скорой смерти и будучи последним философом из поколения бунтующих мыслителей, принадлежащих к структуралистам и постструктуралистам, он был обречен сказать прощальные слова по адресу многих своих друзей и оппонентов. Размышления о смерти близких людей подвигли его написать книгу «Каждый раз – единый, конец света», в которой собраны прощальные обращения философа к Р. Барту, П. де Ману, М. Фуко, М. Лоро, Ж.М. Бенуасу, Л. Альтюсеру, Э. Жабэ, Ж.Н. Ридделю, М. Сервьеру, Л. Марену, С. Кофману, Ж. Делёзу, Э. Левинасу, Ж.-Ф. Лиотару, Ж. Гранелю, М. Бланшо. Не ставя вопроса о феномене смерти, ее причинах и последствиях, Деррида строит свой дискурс, пытаясь остановить мгновение, зафиксировать след уникального момента перехода от жизни к смерти.

В текстах Ж.Дерриды сквозь боль и скорбь проявляется нарративная онтологическая структура слова о смерти и дружбе. Каждый человек в жизни встречается со смертью друга. Неизменным, фатальным и универсальным является структурный закон, в соответствии с которым один человек должен уйти раньше другого, а из двух друзей один увидит смерть другого: «Иметь друга, смотреть на него, смотреть ему в глаза, ценить его дружбу, это означает, – пишет Ж. Деррида, – знать твердо и неотвратно (и со временем это знание становится все неотступнее, таким, что о нем невозможно забыть), что один из нас должен столкнуться со смертью другого. Один из нас – и каждый говорит это себе, – один из нас двоих, наступит такой день, не увидит другого»⁸. Смерть друга означает не только конец той или иной жизни, но конец вообще. Обращаясь с прощальным словом к Э. Левинасу, Ж. Деррида говорит: «Теперь мне бродить самому, отныне и навсегда непостижимое отсутствие, у меня перехватывает дыхание, не могу преодолеть дрожь, как теперь работать, как жить, невозможно говорить, молчать также, то, что казалось мне невозможным, пришло, непостижимое, неслыханное,

⁸ J. Derrida, *Chaque fois unique, la fin du monde*, Galilée, Paris 2003, p. 137.

нестерпимое, словно катастрофа, что уже случилась и все же должна повторяться»⁹.

Оригинальной концепции взаимосвязи между жизнью и смертью человека, по мнению Э. Рудинеско, посвящены лучшие страницы книги М. Фуко «Рождение клиники»¹⁰. Анализируя взгляды и наблюдения хирурга К. Биша, Фуко обращает внимание на трансформацию классической концепции смерти человека, фактически новый подход к истолкованию сущности смерти. Если жизнь является взаимодействием функций, сопротивляющихся смерти, это означает, что Бог утрачивает свое право на жизнь и смерть людей и животных. Смерть более не пребывает в божественной компетенции, не является привилегией Бога, переход от жизни к смерти зависит от двойного физиологического и патологического процесса, свойственного живым существам. Смерть вписана в историю жизни. Как явление постепенной деградации тела, смерть человека начинается уже от его рождения и сопровождает его всю жизнь до последнего мгновения. «Когда Фуко анализирует тезисы Биша, – отмечает Ж. Делёз, его тон ясно показывает, что речь идет о совсем иных вещах, нежели эпистемологический анализ. Речь идет о понимании смерти, и найдется немного людей, смерть которых отвечала бы их представлениям о смерти в такой же степени, как у Фуко. Это могущество жизни, столь ему свойственное, Фуко всегда мыслил и переживал как многочисленную смерть, подобно Биша»¹¹. М. Фуко был одним из тех выдающихся философов, которые «объединились ради того, чтобы выступить против смерти»¹².

Эта точка зрения нашла существенную поддержку Ж. Делёза, в творчестве которого с позиции метода трансцендентального эмпиризма негативно оцениваются общепринятые моральные ценности, абсолюты рационалистической этики. Он считал, что жизнь отравлена категориями Добра и Зла, вины и заслуги, греха и искупления. Отравляет нашу жизнь также ненависть, включая и ту, что обращается против нас самих в виде вины. Он считал, что мы обесцениваем жизнь – не живем, ведем лишь подобие жизни, заботимся только о том, чтобы избегнуть смерти, и вся наша жизнь является культом смерти. Этика Делёза представляет собою «обоснование радости и счастья как конструктивных принципов бытия»¹³. Утверждение воли и радости как главных ценностей жизни соотносится у мыслителя с силой воли и процессом радости, которые обеспечивают творческий синтез. При этом

⁹ Цит. по: Рудинеско Е. Філософи в обіймах бурі. Київ: Ніка-Центр, 2007, с. 191.

¹⁰ *Ibidem*, с. 44.

¹¹ G. Deleuze, *Foucault*, Minuit, Paris 1986, p. 102.

¹² Рудинеско Е. Філософи в обіймах бурі, с. 47.

¹³ Карцев И. Жиль Делёз. Введение в постмодернизм. Философия как эстетическая имажинация. М., 2005, с. 203.

Делёз весьма далек от какой-либо диалектики в гегелевском понимании, то есть от связи с негативным, отрицанием. Отказываясь от диалектики, он отвергает и ущербность, отрицание, ведущие к смерти, настаивает на полноте жизни. Этика Делёза основана на радостном жизнеутверждающем процессе, представлении о жизненном потоке, в котором возрастают и множатся силы жизни, побеждающие смерть.

Рассматривая концепции смерти человека в дискурсе постструктурализма, необходимо вспомнить о весьма распространенном тезисе «смерть автора», который является продолжением и развитием структуралистской идеи «смерти субъекта». Исследования К. Леви-Стросса привели его к выводу, что структура целиком и полностью поглотила субъекта, и эту структуру можно изучать научными методами. Интерпретируя выводы своего родоначальника, структуралисты заявили о «смерти человека»: человек не мыслит, говорит или действует, вместо него все это делают структуры, дискурсы. Вслед за этим Р. Барт и М. Фуко выдвинули методологический принцип смерти автора. Основные особенности этого принципа наиболее рельефно изложены Р. Бартом, который сформулировал практически все основные положения постструктуралистского критического мышления, создал набор ключевых фраз и выражений или придал им постструктуралистское значение, в том числе «смерть автора»¹⁴. В своей статье «Смерть автора»¹⁵. Р. Барт рассматривает текст как многомерное пространство, в котором сочетаются различные виды литературы (письма). Текст состоит из цитат, отсылающих к разным первоисточникам. Письмо постоянно порождает смысл, который тут же исчезает. Местом схождения разных смыслов является читатель, а не автор. В символической деятельности, к которой относится литература, автор – всего лишь пишущий; языку известен субъект, но не «личность» этого субъекта. Автор устраняется на всех уровнях создания и чтения текста. Место автора занимает пишущий, который рождается и живет одновременно с текстом и не существует ранее. Такая позиция может быть аргументирована самонаблюдениями писателей. Вот что говорит известный американский писатель-фантаст С. Кинг о процессе создания литературного текста: «Сама книга еще не существовала (то есть существовала как погребенный реликт). Знать всю историю не обязательно для начала работы. Я нашел, где лежит окаменелость, остальное, как я знал, будет просто осторожными раскопками»¹⁶. То есть автор не создает текста,

¹⁴ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996, с. 158.

¹⁵ Барт Р. Смерть автора / пер. с фр. С.Н.Зенкина // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994.

¹⁶ Кинг С. Как писать книги: Мемуары о ремесле / [пер. с англ. М.Б.Левина]. М.: ООО „Издательство АСТ“, 2004, с.178.

а находит, «раскапывает его», и даже ритм письма, «который слышит автор у себя в голове, заложен генетически»¹⁷. С.Кинг неоднократно подчеркивает, что осознание творческого процесса является весьма ограниченным, часто пишущий пребывает в некоем бессознательном состоянии во время создания произведения, и даже гениальные писатели «редко могут понять себя до конца»¹⁸.

В соответствии с концепцией Р. Барта со смертью автора рождается читатель. Сопrotивляясь роли производителя смыслов, автор «умирает», выставляя напоказ дискурсы, ответственные за производство приписываемого ему текста. Однако автор сопротивляется и собственной «смерти», и в этом случае его сопротивление заключается в том, что он, по выражению Делёза, может «заикаться» в письме или создавать свой собственный язык, который именуют стилем. Таким образом, «автор» возникает в точке сопротивления, которое оказывается и сопротивлением стать автором, и сопротивлением «смерти автора». Это сопротивление языку и в языке¹⁹.

Принцип «смерти автора» оказал большое влияние на гуманитарные исследования, стал одним из важнейших методологических оснований современного литературоведения, в частности, постструктуралистской поэтики. В творчестве выдающейся французской исследовательницы литературного творчества, философа Юлии Кристевой понятие смерти человека и смерти автора трансформируется в концепции «смерти поэта», связывается с идеей «убийства поэта». «Смерть» и «убийство» здесь истолковываются, прежде всего, как убийство поэтического языка. Опираясь на идеи русского ученого Р. Якобсона (в особенности его работы «Поколение, утратившее своих поэтов», его анализа творчества и трагической смерти В. Маяковского), она делает вывод, что ранняя смерть большинства гениальных поэтов – это закономерность, а не трагическая случайность. «(Любое) общество замирает, если отбросить поэтический язык»²⁰, – заключает Ю. Кристева. Жизнь застывает, покорившись суровым и негибким моделям, превращается в повседневное прозябание. Если при таком подходе рассматривать смерть поэтов, то можно весьма нетрадиционно истолковывать глубинную связь языка, жизни и смерти человека, его место в структуре и жизнедеятельности общества. Ведь и раньше замечалось много общего в том, как жили и особенно умирали выдающиеся поэты и представители других видов искусства. Не редкостью было и обвинение в адрес тех или иных общественных кругов в том, что поэты безвременно уходили в вечность. Вспомним, к примеру, стихотворение М.Ю. Лермонтова «На

¹⁷ *Ibidem*, с. 143.

¹⁸ *Ibidem*, с. 178.

¹⁹ Дьяков А. Ролан Барт как он есть. СПб.: Владимир Даль, 2010, с. 264.

²⁰ Кристева Ю. Полілог / пер. з фр. П.Тарашук. Київ: Юніверс, 2004, с. 321.

смерть поэта», где он с гневом обращается к знати тогдашнего русского общества, обвиняя ее в убийстве А.С. Пушкина:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!...

«Лишь поэтический язык, – подчеркивает Ю. Кристева, – постоянно борется против подобной смерти (прозябания в тисках негибких общественных структур [моделей – СИП], а, следовательно, давит на нее, закликает, вызывает ее»²¹. Не случайно смерть и самоубийство в творчестве поэтов, как и трагические обстоятельства их собственной жизни, привлекают внимание современников в любую эпоху. Ибо поэт – не частное лицо, не антиобщественный элемент, а фермент, обеспечивающий полноту жизни общества; у поэтов концентрация экзистенции выступает особенно ярко.

Мне весьма близки эти рассуждения Ю. Кристевой. Вместе с тем, я считаю, что она склонна абсолютизировать значение жизни и смерти поэтов, поскольку, как и большинство представителей постструктурализма, считает, что именно в языке концентрируется жизнь человека и общества в наибольшей степени. Не отрицаю, что роль поэтов имена такова, как это говорит исследовательница, но я бы несколько расширила этот круг животворящих для общества сил: это могут быть и музыканты (например, В. Моцарт, Бетховен), философы (Сократ, Сковорода и др.). Другое дело, что поэты чаще других выступают в роли этих сил, чаще преследуются властью, погибают в неравной борьбе против сил стагнации.

«Убийство, смерть, застывшее общество – это как раз и является невозможностью понимать означающее как таковое: как шифрование, как ритм, как то, что предшествует сигнификации объекта или эмоции. Поэт погиб, ибо стремился преобразовать ритм в доминанту, услышать в языке то, чего он не хочет говорить, стремился наделить его субстанцией, не подчиненной знаку, освободить его от денотации, ибо именно этот жест, *в наибольшей степени пародийный*, трансформирует систему»²², – подчеркивает Ю. Кристева. Придавая поэтическому языку значение пророческое и провидческое, исследовательница уверена, что поэзия защищает нас от автоматизации, от ржавчины, которые угрожают нашим представлениям о любви и ненависти, бунте и примирении, вере и отрицании.

Выводы. Понятие смерти в постструктурализме является одним из ядер концептуальных построений. Вокруг понятия смерти концентрируется ряд

²¹ *Ibidem*, с. 322.

²² Кристева Ю. Полілог, с. 321.

других традиционных и нетрадиционных философских понятий, то есть оно выступает методологическим основанием для трансформации взгляда на субъективность человека, систему его взаимоотношений с другими людьми, его социальное бытие. Понятие смерти человека является сущностным компонентом принципа деконструкции постструктурализма, способом интерпретации поэтических текстов в социально-антропологическом контексте. Следует также добавить, что, несмотря на критику постструктуралистских концепций смерти человека, смерти субъекта, смерти автора и стремление возродить традиционные представления о человеке как ответственном, сознающем свои высказывания субъекте, гармонично вписанном в исторический контекст, о смерти самого постструктурализма рано говорить. Пока еще нет достаточно мощного философского направления, противостоящего ему, и он остается ныне господствующей парадигмой гуманитарного познания.

[знаков 20 770]

W artykule przeanalizowane są metodologiczne funkcje pojęcia „śmierć” w interpretacji strukturalizmu oraz poststrukturalizmu. Autorka wykazuje, że pojęcie „śmierć” nadaje się do przeanalizowania różnych zjawisk ludzkiego życia i działania. Pojęcie „śmierć człowieka” zajmuje jedno z centralnych miejsc w twórczości wielu przedstawicieli poststrukturalizmu (R. Barthes, J. Derrida, M. Foucault i inni). Autorka wyjaśnia rozpowszechnienie tego pojęcia we współczesnej refleksji filozoficznej jako skutek odzwierciedlenia niepokoju myślicieli naszych czasów co do przyszłości europejskiej kultury i ludzkości w ogóle.

The article analyses the methodological functions of the concept of “death” in the structuralist and poststructuralist interpretations. It is shown that the concept of death helps to understand different phenomena of man's life and activity. The article demonstrates that the concept of “man's death” gains one of the central places in the works of poststructuralists (R. Barthes, J. Derrida, M. Foucault). The author interprets the expansion of this concept in modern philosophical discourse as the reflection of the anxiety of the thinkers about the future of the European culture and humanity in general.